

НОВАЯ ГАЗЕТА

СЮЖЕТЫ • ОБЩЕСТВО

Нечем дышать

Отсрочку приговора ради ребенка ей не дали. Ребенок с рождения на ИВЛ. Мать вернется к нему только через 12 лет

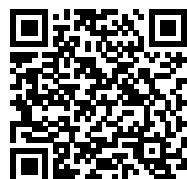
Севастопольский городской суд. Фото: соцсети

12:50, 22 января 2026,

Татьяна Брицкая

редактор отдела расследований

Полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Лера никогда не была дома. За 10 месяцев своей жизни она видела только палаты — реанимационную и обычную. В первые дни жизни с Лерой была мама — Сашу пускали в детскую реанимацию каждый день. Она начала биться за Лерину жизнь еще до родов — отказалась от абортов, который настойчиво предлагали на 6-м месяце, прогнозируя возможную патологию.

Роды были очень ранние, на 27-й неделе. Лера весила 530 граммов. Саша не испугалась — их старшая, Соломия, тоже родилась рано, весила при рождении чуть больше килограмма. Выходили, выкормили. И Леру выкормили бы. Крошечная девочка уже уверенно держала Сашу за пальцы. Матери разрешали вынимать Леру из кювэза, брать на руки.

Когда Соломии было 5 лет, а Лере — 5 месяцев, маму у них забрали. Так решил один человек — судья севастопольского горсуда Данил Землюков. Он приговорил 25-летнюю Сашу к 12 годам колонии и отказался дать отсрочку отбывания наказания. Отсрочку дать позволяет закон — до достижения детьми 14 лет. Но судья сказал: у ребенка же есть отец... Бабушку Соломии и Леры он тоже посадил — на такой же срок. Они с Сашей по делу — соучастницы.

Суд по делу Александры и Виктории Стрилец длился суммарно девять часов. На первом заседании — рассмотрели по существу, на втором — приговор. Так в семье не осталось женщин. Остались только дети и их отец — Максим. Поэтому Леру 10 месяцев не выписывают из больницы. Обычно так долго детей не держат в стационаре — высок риск внутрибольничных инфекций. Лера их не избежала. Несколько месяцев назад младенца пришлось оперировать. Но забрать домой нельзя — и дело не в том, что аппарат ИВЛ стоит пару миллионов, которые Максим и представить себе не может, как собрать, главное — в том, что наблюдать за Лерой надо неотрывно, у нее бывают

приступы — остановка дыхания. А когда на руках старший, но маленький еще ребенок, и когда надо работать, нужны вторые руки. Мама Саша нужна. Но мама Саша в СИЗО.

У Стрилец самая тяжелая политическая статья — «Госизмена». Состав следствие нашло в нескольких фото, отправленных в Украину.

Александра Стрилец. Фото: соцсети

Что на них, мы рассказать не можем — дело слушалось в закрытом режиме, у подсудимых подписка о неразглашении. Так что мы с вами не узнаем даже, правда ли эти женщины вообще что-то куда-то отправляли. А если да, правда ли то были фото военных объектов, целенаправленно снятые и посланные

пряником украинским силовикам, а не что-то, отправленное после разводки силами провокаторов? Единственное, что точно известно от участников процесса, — никакого ущерба действия матери и дочери Стрилец не повлекли.

Закрытый режим слушания таких дел не обусловлен ничем, кроме слабости следствия. Гостайной подсудимые не владели. Чего ж прятать? Если все дела слушать за закрытыми дверями, никогда не будет проблем с приговорами.

«В суде установлено, что молодая женщина решила за вознаграждение вести конфиденциальное сотрудничество с представителями Украины против безопасности Российской Федерации. К осуществлению этой деятельности она привлекла мать. В сентябре 2023 года Александра Стрилец передала сделанные ее матерью фотографии объектов Вооруженных сил Российской Федерации в распоряжение подконтрольного ГУР МОУ канала в интернет-мессенджере», — это из релиза прокуратуры.

Александра и Виктория — самые обычные женщины. Не активистки. Не политики. Почему их переписка в принципе могла заинтересовать ФСБ? Думаю, потому что папа у Саши в Украине, и он военный.

По чудовищной теперешней логике, селфи на набережной военного города Севастополя, посланные папе-военному, могут образовать такой же состав. При желании.

Саша в детстве тоже мечтала быть военнослужащей — как папа. Папа после 2014-го уехал в материковую Украину. Дочь-подросток вскоре перебралась к нему. Хотела поступать в

Харьковский университет воздушных сил. Но у ее мамы Виктории диагностировали рассеянный склероз, и Саша вместо поступления в Харьков вернулась в Севастополь за ней ухаживать.

А теперь о безнадежном. Украинских гражданских, осужденных в России на долгие сроки за подобное, хоть как-то, но пытаются включать в обмен. Стрилец никто менять не станет — у них российские паспорта. Для официальной Украины они — бывшие сограждане, принявшие гражданство страны, с которой у Родины военный конфликт. А для России — изменницы. То есть на милосердие ни с одной стороны нет смысла рассчитывать. Если б Украина выменивала тех, кто осужден за сочувствие ей или обвинен в помощи, — была бы надежда. Но нет. Сашу и Викторию никто не будет менять. Они не военнопленные.

«Очень верю и надеюсь, что мама держится, потому что я не знаю, как она», — пишет мне Саша из СИЗО. Вообще рассеянный склероз входит в список болезней, препятствующих отбыванию наказания под стражей. Но — на поздних стадиях. А Саша маму хорошо лечила.

Виктория когда-то познакомила Сашу и Максима. Вместе они уже семь лет. Когда родилась Соломия, у роженицы отказали почки, Виктории позвонили, сказали, что мать и младенец умирают. Выжили чудом.

Был ковид, мать месяц не пускали в реанимацию к ребенку, когда все же пустили, Соломия прибавила в весе всего 300 граммов. И Саша начала учиться быть мамой сложного ребенка. Было страшно. Потом в палату пришел психолог и сказал: «Этот ребенок выбрал именно тебя, только ты можешь ему помочь». И стало получаться.

Через несколько лет появилась Лера, 530 граммов. «Тогда я

поняла, что создана рожать дюймовочек», — шутит Саша. Первый раз она взяла младшую дочь на руки, когда та весила уже килограмм. Четыре с половиной месяца Стрилец каждый день была с ребенком. Их с матерью не стали арестовывать, взяли подписки о невыезде. Расследование тянулось с ноября 2024-го по август 2025-го, почти год. А суд уложился меньше чем в сутки рабочего времени: 22 июля в 14 часов заседание, 5 августа в 14 часов — приговор.

В суде женщин взяли под стражу, несмотря на все справки из больницы, где было указано: «Необходимо постоянное присутствие матери». Судьбу Леры решали теперь не медики, а мужчина в мантии.

Данил Землюков. Фото: соцсети

Судью Землюкова перевели из Барнаула в Севастополь в 2014 году, сейчас он председатель городского Совета судей. Дело Стрилец — не единственное политическое в его карьере. В октябре прошлого года он почти втрое ужесточил приговор Ксении Светлишиной. За год до того ее приговорили к 5 годам и 3 месяцам колонии за вандализм и конфиденциальное сотрудничество с иностранным государством. По версии следствия, она оставила в парке некие надписи политического характера, а также передавала в Украину сведения о перемещениях российских военных.

В кассации приговор обжаловали, дело вернули прокурору. После этого обвинение ужесточили: вменили более тяжкую статью — о госизмене. И направили дело на новое рассмотрение. Тогда Светлишину судил Землюков, он приговорил ее уже к 13 годам и 3 месяцам колонии. От

поступления материалов к нему до оглашения приговора прошла лишь неделя.

В больнице после суда Сашу заменил Максим, о котором в письме из СИЗО я читаю, что он «не очень любит говорить слова, он совершает поступки». Теперь все зависит от него: и передачки Саше, и подготовка апелляции, и две дочери.

Осенью Лере не поменяли вовремя дыхательную трубку: остановка дыхания, потеря сознания. Максим был рядом, успели спасти. «За один ее вдох боролись 17 человек», — пишет Саша.

Со старшей тоже было трудно. В августе, после ареста Александры, Соломия решила, что мать ее бросила. Несколько месяцев Максим объяснял ей, что мама просто в больнице, очень надолго. Поверила с трудом. Общение с СИЗО скучное. Саша пишет, что избегает звонков домой, «потому что сдержать слез не получится». И тут же оптимистично добавляет, что в неволе «похудела и стала красоткой», и что старается жить «максимально нормальную жизнь» даже в камере.

В камере все всё понимают: все — с такой же статьей. Поддерживают друг друга как могут. «Очень верим, что подпишут мир, и после него нас отпустят», — пишет Стрилец.

Елена Удод. Фото: соцсети

Она представляет, как снова окажется на свободе, в деталях придумывает сценарии этого счастливого дня. Переживает за маму. Просит писем. Верит, что судьба переменится.

Дело Саши и Виктории — типичное и страшное. К слову, эта семья — те самые люди, во имя которых государство многое декларирует. Новые граждане России из Крыма, традиционная семья, двое детей, отказались от абортов, чтобы бороться за жизнь дочери...

5 августа эту семью сломали. Вчера окончательно лишили надежды. Судья Третьего апелляционного суда Елена Удод оставила жалобу без удовлетворения. Отсрочки нет.

Я знаю, что данные о Саше были на столах у людей, принимающих решения. Вопрос с отсрочкой был вполне

решаем. На нее Стрилец имеет полное право — по действующим российским законам.

Ни у кого из этих важных людей не дрогнуло сердце.

Лера и Соломия увидят мать только через 12 лет.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Новогодняя ночь закончилась, проснулись силовики](#)

Задержания, рейды и уголовные дела как главный сюжет первых дней 2026 года

10:04, 17 января 2026, Андрей Карев

[«Это была глупость с моей стороны»](#)

В окружном военном суде за два дня превратили переписку, видеосъемку забора и «женское любопытство» в дело о госизмене — с шутками судьи и приговором, который, казалось, был написан заранее

12:35, 25 декабря 2025, Андрей Карев